

О. Н. Скибинская

Теоретико-методологическая основа культурологического исследования рода и семьи

Полноценное исследование рода и семьи, проведенное нами на примере податных сословий Ярославской губернии, стало возможным только благодаря комплексному методологическому подходу к выявленному эмпирическому материалу. При осуществлении исследования использовались методы генеалогии, историко-биографический и сравнительно-исторический подходы, описательный и логический методы, гендерный и социокультурный анализ, методы психологии, интервью и др.

Ключевые слова: род, семья, метод исследования, генеалогия, социокультурный анализ, комплексный подход, интервью, культура повседневности, культурные традиции, храмоздатель.

O. N. Skibinskaya

Theoretical and Methodological Basis of a Cultural Study of the Genus and Family

A full study of genus and family carried out by us as an example of tax-paying estates of the Yaroslavl province, became possible only due to a complex methodological approach to the empirical material. We used methods of genealogy, historical, biographical and comparative-historical approaches, descriptive and logical methods, gender and socio-cultural analysis, methods of psychology, interviews, etc.

Keywords: genus, family, method of investigation, genealogy, socio-cultural analysis, an integrated approach, interview, everyday culture, cultural traditions, a builder of the temple.

Культурологический подход к изучению рода и семьи позволяет заметно расширить теоретико-методологическую основу исследования. В данном случае речь идет об использовании следующих методов. Генеалогия «как метод реконструкции семейной истории» (А. И. Антонов) в сочетании с источниковедческим анализом помогают сформировать первичный массив данных, полученных в ходе изучения архивных материалов (ревизских сказок, исповедных росписей, метрических записей, переписей населения и т. д.), а затем выстроить поколенную роспись или генеалогическое древо конкретного рода, что структурирует огромный объем данных по большому количеству персонажей. Историко-биографический и сравнительно-исторический подходы, описательный и логический методы, гендерный и социокультурный анализ позволили вписать полученные ранее данные в социокультурную и историческую среду.

Мы ввели понятие *хронотоп рода* как центральное в исследовании родов [1]. Этот концепт в рамках авторского подхода значительно расширяет позиции культурантропологии и помогает при изучении динамики культуры выявить ряд закономерностей в механизмах ее передачи от поколения к поколению: формирование, укреп-

ление и распад патриархальной семьи, роль патриархального рода в сохранении культурных традиций и их трансформации в XVIII–XIX вв.

Иного подхода потребовало изучение временного отрезка в истории родословных, приходящегося на XX в. – особой «точки пересечения разных коллективных времен». Эта «особость» определяется, во-первых, тем, что в качестве источников, кроме официальных документов, мы использовали дневники и письма отдельных персонажей; а во-вторых, тем, что носителями памяти, «локализованной в пространстве и времени» [2, с. 333], начинают выступать ныне здравствующие представители исследованных нами родов. Вот почему, наряду с вышеперечисленными, был актуализирован еще ряд методов.

При анализе эпистолярного наследия и дневниковых записей применялись методы психологии. Это помогло выявить наиболее типичные реакции представителей того или иного рода на наиболее значимые явления: революцию, репрессии, войны, потери близких и т. д. Такие реакции проявлялись в форме как социальных чувств, так и ментальности в целом. Применение психологического метода позволяет через уяснение характера той или иной культуры воспри-

нять мотивацию, логику культурных действий персонажей.

В своем исследовании мы использовали метод неформализованного интервью и метод семейных биографий. При неформализованном, или свободном интервью «респондент сообщает ту информацию или высказывает те мнения, которые он может представить наилучшим образом... Среди сфер, где неформализованные опросы обычно играют ведущую роль, могут быть названы: изучение преступных и закрытых сообществ, культурно-антропологические исследования и некоторые другие» [3]. В качестве респондентов, носителей «коллективной памяти семьи» (М. Хальбвакс), выступали и старожилы определенного географического пункта, и представители исследуемых родов. Предпринятое нами исследование рода и семьи проводилось на примере податных сословий Ярославской губернии: рода бывших государственных, а затем помещичьих крестьян Бутиковых (село Великое Ярославского уезда); рода Смирновых, помещичьих крестьян, а впоследствии мещан г. Романов-Борисоглебска; рода рыбных ловцов, а затем мещан и купцов Жилых-Жиловых (г. Рыбинск Ярославской губернии) на протяжении трех веков. Когда мы говорим о здравствующих ныне представителях этих родов, речь идет о прямых их потомках, проживающих в начале XXI в. в Ярославской, Московской и других областях РФ. При таком подходе «метод семейных биографий или жизненных историй... оказывается чаще всего разновидностью глубинного интервью» [4, с. 222]. Полученные в ходе интервью данные, достоверность которых прямо или косвенно удалось подтвердить архивными источниками, использовались как основа для культурологического анализа.

Рассмотрим применение комбинированной системы методов (источниковедческого и сравнительно-исторического подходов, социокультурного анализа, методов неформализованного интервью, семейных биографий, а также метода топографической привязки) на конкретном примере.

В селе Великом Гаврилов-Ямского района Ярославской области в 1988 г. при реконструкции здания дома 12 по улице Труфанова рабочие, разбирая крыльцо, выходящее во внутренний дворик, обнаружили клад. Это здание расположено рядом с крепким двухэтажным домом № 13, который великоселы издавна называют «домом Бутикова», по имени его дореволюцион-

ного владельца. Клад, состоящий из золотых монет времен правления Николая II, специалисты оценили в 1,5 тыс. золотых рублей, или в пересчете – 68310 советских рублей. По настоящее время он является единственным золотым кладом в богатой коллекции Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника. Ссылаясь на воспоминания великосельского краеведа и старожила К. К. Засовина, владельцем клада музейщики посчитали обладавшего «психологией мелкого собственника, скопидома...» некоего Н. З. Бутикова, основавшего кожевенный завод неподалеку от Гаврилов-Яма [5].

Проведенные нами генеалогические исследования позволяют утверждать, что с конца XVII в. на протяжении двух с половиной веков в селе Великом проживали два рода Бутиковых (родство между ними на данном временном промежутке не выявлено). На основе документов Государственного архива Ярославской области нами восстановлены детальные родословные обоих родов, но среди более чем сотни персонажей Н. З. Бутиков не значится.

Улица Труфанова в Великом до революции называлась Бульварной. Согласно переписным листам Всероссийской переписи городского населения 1917 г., по селу Великому на улице Бульварной проживали только два домовладельца, носящие фамилию Бутиков: домом № 1 (крайним от храма Рождества Богородицы) владел Евграф Николаевич Бутиков, а домом № 25, в дальнем конце улицы, – Сергей Николаевич Бутиков. Всего на этой улице насчитывалось более 28 домовладений. После революции сменилось не только название улицы, но и порядок нумерации домов: он начинается не от храма Рождества Богородицы, а с противоположного конца – от кладбищенского Боголюбского храма. Благодаря методу топографической привязки данных переписи 1917 г. к местным реалиям начала XXI в. мы определили: современные дома № 12 и 13 по улице Труфанова как раз и являются домовладением С. Н. Бутикова.

Согласно переписной карточке, глава семейства С. Н. Бутиков (1874 г. р.) был сапожником. Вместе с ним проживали его супруга Александра Дмитриевна (1896 г. р.), четверо сыновей и две младшие дочери – 15 и 6 лет. Старший сын Дмитрий значится в солдатах, а 18-летняя Екатерина – «актерской ученицей» [6].

На Бульварной, одной из центральных улиц села, в крепких каменных домах, обращенных фасадами на главный – Рождественский – храм,

жили только состоятельные великоселы: Иродовы, Палкины, Капарины, Моругины, Бутиковы и др. Так, С. Н. Бутиков (1874 – после 1917 г.) был не просто сапожником, а владельцем кожевенного производства и торговли: он закупал кожи по близлежащим деревням, обрабатывал их, раскраивал и т. д., то есть занимался всеми стадиями, от закупки до реализации. Его крепкое хозяйство на улице Бульварной состояло из трех кирпичных двухэтажных зданий: жилого дома (собственно «дом Бутикова»); производственного здания, на первом этаже которого стояли чаны, где вымачивали кожи, а на втором располагалась сушилка; каменной палатки, выполнявшей одновременно роль и склада, и лавки – в ней хранили кожу и другой товар, здесь же вели торговлю. Последнее здание к началу XXI в. не сохранилось, остатки его фундамента находятся в земле.

Конечно, смена политического режима не могла не отразиться на образе жизни этой семьи. Воспоминания сельских старожилов позволяют уточнить реалии повседневности. Краевед, создатель Великосельского музея Т. А. Басова рассказывает в интервью: «После того как обнаружили золотой клад, старики припомнили, что после революции в “доме Бутикова” нашли огромный сундук с бумажными деньгами. Говорили: если бы его вынести на площадь и раздать великоселам, каждый мог бы построить себе по дому!.. Говорили, что здесь жил хозяин-вдовец с неженатыми сыновьями. Прислуживала в доме горничная. Так вот дочь той горничной рассказывала мне, со слов матери, что деньги у хозяев водились немалые, хотя жили они очень просто – глава семьи вместе с сыновьями спал на деревянных лавках. Бутиков был прижимист, как все великоселы, и, например, посылая горничную в подпол за вареньем, говаривал: “Положи только две ложечки!..” В 1918 или 1919 г. – революционные изменения до Великого дошли не сразу – хозяин снарядил горничную в деревню. Груз на телегу уложили секретный – припрятать понадежнее в глухомани предстояло тяжелое ведро и сундучок, набитый золотом. Потом, правда, она все это обратно привезла. Возможно, именно это золото и было зарыто под крыльцом...» [7, с. 431].

Вроде бы, логично заключить: местный предприниматель, как рачительный хозяин, откладывал золотые монеты на черный день, чтобы передать накопленное за десятилетия наследникам. Однако все оказалось не так просто. Важным ме-

тодологическим ориентиром для нас стало «рассмотрение человека во всем многообразии его переживаний, чувств, интеллектуального и эмоционального напряжения» [8].

К концу XIX в. в Великом стояли четыре храма. Первый из них, церковь Рождества Богородицы, в первой четверти XVIII в. возвел Аникита Репнин, которому дворцовое село Великое было пожаловано Петром I в личное владение. Его старший сын, Василий Аникитич (?–1748), в 1741 г. построил церковь Покрова Богородицы. Однако оформление духовного пространства села на этом не закончилось. В середине XVIII в. подрядчик Иван Зарубин заложил между этими храмами 75-метровую соборную колокольню, завершившую ансамбль Великосельского кремля. В 1730-х гг. общество кузнечного ряда села поставило на собственные средства часовню Кузьмы и Демьяна. На западной окраине Великого в середине 1840-х гг. на месте сгоревшей деревянной церкви возвели каменное здание церкви Боголюбской Богоматери. Среди ее храмоздателей и благоустроителей значатся имена церковных старост – великоселов Крашенинникова и Моругина. В 1846 г. был поставлен единовременский (старообрядческий) Тихвинский храм, как передают из поколения в поколение великоселы, возведенный на средства старообрядцев ближайших деревень.

Минувшие с тех пор полвека заметно изменили социокультурное и экономическое пространство села [9]. Это не могло не отразиться на пространстве духовном. С. Н. Бутиков возмечтал на переломе XIX–XX вв. поставить в Великом пятый храм. Если бы то были пустые мечты (которые вряд ли свойственны крепко стоящему на земле практичному хозяину), едва ли об этом помнили его односельчане на протяжении столетия. Но именно об этом они свидетельствовали во время нашего интервьюирования.

«Старики говорили, – подтверждает Т. А. Басова, – что на въезде в село со стороны Гаврилов-Яма хотел Бутиков “с компаньонами” церковь ту поставить. Успели даже фундамент заложить. Помешала Первая мировая война, а затем – революция. Потому деньги и решил он припрятать – до лучших, видимо, времен...» [9, с. 432]. Остатки фундамента так и не возведенного храма были видны в указанном месте еще в конце XX в.

Традиция храмоздательства как составляющая православной патриархальной культуры российской провинции, заложенная в Великом в

начале XVIII в. представителями правящего класса, в дальнейшем развивалась благодаря добровольной инициативе – духовному устремлению и материальному участию – представительниц зажиточных крестьянских родов и была прервана в начале XX в. сменой общественного строя.

Итак, комплексный методологический подход облегчает переход от описательно-эмпирического исследования к социологической интерпретации историко-культурного материала, дает возможность не только отобразить пространственно-предметный и конкретно-событийный мир культуры, но и выявить именно индивидуально-своеобразное, человеческое содержание: точнее вписать результаты генеалогических исследований в историческую среду, детальнее воссоздать культуру повседневности.

Примечания

1. См.: Скибинская, О. Н. Хронотоп рода в традиции российской провинции [Текст] / О. Н. Скибинская // Третий Российский культурологический конгресс с международным участием «Креативность в пространстве традиции и инновации»: тезисы докладов и сообщений. – СПб.: Эйдос, 2010. – С. 277.

2. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти [Текст] / М. Хальбвакс. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.

3. Белановский, С. А. Метод интервью в исследованиях экономических процессов [Электронный документ] / С. А. Белановский. – Режим доступа: http://socioline.ru/_seminar/library/metod/bel_interv_12.php, проверено 06.01.2011.

4. Антонов, А. И. Микросоциология семьи [Текст]: методология исследования структур и процессов / А. И. Антонов. – М.: Издательский Дом «Nota Bene», 1998. – 360 с.

5. Рязанцева, Т. О чем поведал клад [Текст] / Т. Рязанцева // Северный рабочий. – 1988. – 2 сентября. См. также: Рязанцева, Т. В. Тайны кладов земли Ярославской [Текст]: нумизматическая выставка в г. Ярославле / Т. В. Рязанцева // Седьмая Всероссийская нумизматическая конференция. Ярославль. 19–23 апреля 1999 г.: тез. докл. и сообщ. – М., 1999. – С. 178–180; Рязанцева, Т. В. Клад золотых монет из села Великое Ярославской области [Текст] / Т. В. Рязанцева // Восьмая ВНК. Москва 17–21 апреля 2000 г.: тез. докл. и сообщ. – М., 2000. – С. 175–176; Рязанцева, Т. В. Клад золотых монет из села Великое Ярославской области [Текст] / Т. В. Рязанцева // Нумизматический альманах. – 2001. – № 3. – С. 12–15.

6. Государственный архив Ярославской области, Ф. 642 «Ярославский губернский статистический комитет». – Оп. 2а. – Д. 1069.

7. Скибинская, О. Н. Родная кровь: Семейные хроники XVII – начала XXI века [Текст]: культурно-исторический очерк / О. Н. Скибинская. – Ярославль: Александр Рутман, 2010. – 544 с.

8. Иконникова, С. Н. Контурь исторической культурологии [Текст] / С. Н. Иконникова. – Режим доступа: <http://www.hischool.ru/userfiles/ikonnikova-kontury-ist-cult.doc>, проверено 06.01.2011.

9. Подробнее см.: Скибинская, О. Н. Город, который не случился. Село Великое: миф и судьба [Текст] // Исторический город в аспекте национальной ментальности: научный сборник (сборник научных трудов) / под науч. ред. Т. С. Злотниковой, Н. А. Дидковской. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010. – С. 7–24.